

Был снова день...

БОГАТЫРЕВ Вадим Николаевич родился в 1921 году под фамилией Штейнберг. Эта фамилия досталась ему от далекого предка, шведского полкового лекаря, оставшегося после пленения в России. Отец, Николай Васильевич, был гидростроителем, объездил всю страну и прошел путь от мастера до главного инженера. В 1938 году семья Штейнберг приехала жить в Иркутск. «Все науки и жизнь» ему пришлось изучать не только в школе № 37 в Иркутске-II, которую он окончил в 1940 году. И не только в медицинском институте, куда он поступил с одноклассницей Розой Орбах. «Большую науку» преподнесла сама жизнь. Не один год немецкая фамилия, как клеймо, как отметина в паспорте о неблагонадежности носителя ее, сопровождала Вадима Николаевича. Раз немец, значит, потенциальный враг, отец пробыл 2 года в немецком плену в Первую мировую войну, вдвойне подозрителен. Дед по материнской линии — протоиерей, это вообще величайший грех в стране «зоологического» атеизма. Мечты о военной карьере остались мечтами. Морской офицер, море, корабль, кортик, о котором мечтал с детства — словно красивый фильм, который прокрутил неведомый киномеханик перед восторженной юной публикой, но... он закончился и прекрасная жизнь осталась по ту сторону экрана.

В марте 1942 года, именно по причине «неблагонадежности», Вадим Николаевич был призван в армию в читинский строительный батальон. Но на этом повороты судьбы для него не закончились. Летом 1942 года, когда на передовой разворачивались ожесточенные бои с фашистами, был подготовлен секретный приказ И.В. Сталина, согласно которому все бойцы, служившие в Красной Армии и носившие немецкие, румынские, венгерские,

финские фамилии подлежали удалению из ее рядов. И уже в октябре Вадим Николаевич был репрессирован и выслан под конвоем в город Осинники Кемеровской области на спецпоселение. Шахта «Капитальная» стала местом работы юного Вадима Штейнберга. Спецпоселением называлась лагерная зона, где ссыльные проживали в бараках засыпного типа, точно в таких же, в каких будут жить будущие строители-ээка в городе Ангарске. Спали на нарах. Вши, клопы по ночам атаковали обитателей барачных. Но трудности быта окупались взаимовыручкой и поддержкой. Он неплохо сочинял стихи, басни. Вел дневник. В зоне существовал свой оркестр из 15 человек. Вадим Николаевич играл на бас-балайке. Начальство даже отпускало на танцы. И здесь вновь выручало лагерное братство — кто штаны одолжит, кто рубашку, кто какую обувь даст. Вот и собрали танцора. Вадим Николаевич очень любил танцевать! Танго, фокстрот, краковяк — какие танцы в то время были! Через танец можно было так много сказать девушке. Кроме одного, что ты спецпоселенец. Это надо было держать в себе, как страшную тайну.

1945 год. Победа! Дошла радостная весть и в Осинники. Свобода! Прощай, Осинники! Прощай, шахта «Капитальная»! Как страстно он рвался отсюда, не раз видел во сне родной дом, отца, маму, как он входит в родительский дом, что говорит... Но свобода оказалась мнимой. С той справкой, с которой выпустили Вадима Николаевича со спецпоселения, без паспорта найти работу оказалось делом нелегким. И все же счастье улыбнулось ему. Его приняли в Иркутский госуниверситет на должность лаборанта.

1951 год. Ангарск. Вадим Штейнберг — студент техникума искусственного жидкого топлива. В этом году произошло событие, решительным образом повлиявшее на всю его последующую жизнь. Словно как у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите»: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих». Татьяна Богатырева была бесподобно красива, красива той удивительной, располагающей к себе душевной чистотой. Она была хохотушкой и все просила Вадима рассказать что-нибудь смешное, а он читал ей свои стихи, рассказывал о себе и все ловил себя на мысли, что этого не может быть. Счастье не может вот так просто войти в его жизнь. Что-то или кто-то обязательно нарушит эту гармонию. Так оно и случилось. Отец невесты, полковник МВД, — а молодые люди решили пожениться и объявили об этом своим родителям, — не хотел связывать себя родством с «немцем». Он был против того, чтобы его дочь носила фамилию Штейнберг. Любовь была так сильна, что Вадим боялся потерять Татьяну. И немецкая фамилия, от которой пострадал в военные годы, вновь грозила разрушить хрупкое счастье. И Вадим Николаевич принимает решение. С 1951 года Вадим Штейнберг становится Вадимом Богатыревым.

С 1953 по 1962 год работа на комбинате-16 (АНХК). Оператор, начальник смены, инженер-конструктор. Затем в Ангарском ОКБА — инженером-конструктором. Жизнь в литературе, если брать за отсчет первую публикацию стихотворения шестнадцатилетнего подростка в «Восточно-Сибирской правде», начинается в 1937 году. Первая публикация в Ангарске — в 1950. В литературное объединение Вадим Николаевич приходит сразу же после его создания. Дважды становится участником конференций «Молодость. Творчество. Современность». В 1986 году на городском конкурсе поэтов занимает второе место. Первый поэтический сборник «Тропа восхождения» выходит в 1991 году в газетном исполнении, тиражом в 1500 экз. Второй сборник «Далекое созвездие» — в 1995 году. Публикуется в коллективных сборниках.

2006 год отмечен в жизни В. Богатырева выходом нового поэтического сборника «Саги старого леса». В книге не просто представлены стихи о родителях и друзьях поэта. Можно сказать, что здесь собрана целая поэтическая галерея. В сборнике представлены не только стихи. В. Богатырев известен и как пародист. Его пародии добры, хотя и остроумны. Своими пародиями он делает поэтов еще более популярными, добавляет им читательского признания и славы.

К 90-летию Вадим Николаевич был принят в Союз писателей России.

Плач Инны Серковой*

*Когда на Смоленщине погиб солдат,
его дочери Инне было два года...
Братскую могилу, где похоронен отец,
дочь разыскала лишь в 1985 году.*

Мой родимый, я — дочка твоя!
Горький мой среди горьких друзей!
Я к вам шла, тихим светом горя,
Через горы и вздохи степей.

Парни! Вы же не знали весны —
Не плясали на шумных пирах...
Как понуро бредут табуны
Серых туч за израненный шлях!

Тишина... мне уже сорок пять...
Годы шли без тебя, как века.
По годам я тебе уже — мать:
Видишь белую прядь у виска?

Знаю, вы продолжаете бой
В летний зной и в осеннюю стынь...
Скоро буду навеки с тобой,
Моя гордость, отец мой и... сын!

Шатурские торфушки

Однажды из голодных деревень,
из грустных песен и седых туманов
они пришли в мой ласковый апрель
в смешных лаптях
и юбках домотканых.

И я, мальчишка, на окне затих,
в волшебный мир навеки принимая
рязанских баб отчаянно-ржаных,
ухватистых тамбовских молодаяк.

Я понял: это дочери Земли,
они из торфа делали брикеты.
Среди болот платочки их цвели
малиновым и васильковым цветом.

*Серкова И.П., старший инженер связи, г. Чита, умерла в 1988 г.

Жгли комары, душил жестокий зной —
кофтёнки вечно мокрые от пота...
И даже самой нежною весной
девчата пахли тиной и болотом.

А над болотами — весёлый гром!
Крушило время судьбы и понятия...
Торфушки шили ситцевые платья,
цветной рекой текли в Народный дом.

И, лозунги читая по складам,
они в кино, как в церковь, заходили,
они глазели на шатурских дам
и все! — киномеханика любили.

Опять смущённо ландыши цвели,
из кочек настораживая ушки...
Опять воспоминанья донесли
смешной свисток
игрушечной «Кукушки».

Я снова мальчик.

Папа мой — прораб.
Он строит ГРЭС и ходит с нивелиром,
он озабочен, деловит и храбр,
я тоже храбр — я маленький задира.

Прекрасен мир! Глаза озёр — вдали,
в бору кукуют щедрые кукушки,
и в сарафанах — прямо из зари —
идут ко мне весёлые торфушки.

Теперь они идут ко мне всегда
через мои зелёные апрели,
через мои жестокие года,
тревоги и душевные метели.

Луна

Я пил, как мёд, густой, смолёвый запах.
Тайга свои рассказывала сны.
Я подглядел, как кедр мохнатой лапой
подкинул в небо жёлтый шар луны.

Луна садилась утром за гольцами.
Она в куски разбилась об утёс:
её изюбр тихонько взял рогами
и за вершины белые унёс.

Саян и небо

Гранитный лоб сначала
 он нахмурил,
в его речах с утра звенела медь,
а к вечеру он разразился бурей
и заревел, как бешеный медведь!..

Саян давно таким ужасным не был:
он в Небо пики чёрные метал!
Встав на дыбы, Саян рычал на Небо
и рвал его зубами острых скал!

Был снова день...
Саян пришел в смиренность:
заворковали горные ручьи,
шептали долго небу извиненья
саянские густые кедрачи...

А сам Саян не придавал значенья
ручьям, громам —

 Саяну их не жаль.
Лишь Небо плакало от огорченья,
накинув тучи серенькую шаль...

Землекопы

У них ладони были как железо,
душа — весёлой, а работа — злой.
Я помню: это были Геркулесы,
пропахшие махоркой и землёй.

И, сняв косоворотки угловато,
они крестились на весенний гром
и поднимали полные лопаты
легко, как будто ложку над столом.

Кряхтели тачки. А в короткий роздых
насупит бровь артельщик Федосей,
и «kozy ножки»

 гаснут, словно звёзды,
в голубоватом сумраке траншей.

Над мужиками — пар солёно-пряный
и тяжкий голос:

 — Роба! Навали-и-сь!!!

В их котлованы прятались туманы,
траншеи были длинные, как жизнь.